

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2026-2-10>

УДК 81'42:82

Attribution

cc by

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ МЕДИАЦИЯ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ
КАК ИНОСТРАННОМУ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТА РАССКАЗА В. ПЕЛЕВИНА
«ОТЕЛЬ ХОРОШИХ ВОПЛОЩЕНИЙ»)

Немыка А.А.¹, Короткова А.А.², Коврыгина Н.В.³

Кубанский государственный университет^{1,2},

АНОО «Президентский лицей «Сириус»³

Аннотация: В статье рассматривается лингвокультурная медиация при обучении русскому языку как иностранному на материале рассказа Виктора Пелевина «Отель хороших воплощений». Анализируются аксиологические доминанты и значимые лингвокультурные тестовые особенности, которые помогают главной героине рассказа сформировать представления о человеческом мире. Особое внимание уделяется тому, как художественный текст помогает иностранному учащемуся перейти от буквального понимания слов к осмыслению культурного подтекста. Рассматриваются образы Бытия, ангела, «карты зависти», России и «прекрасной дамы». Показано, что фрагмент раскрывает связь языка, культуры, социальной оценки и авторской иронии, поэтому может использоваться как материал для аналитического чтения в иноязычной аудитории. Отдельно обозначена роль преподавателя как лингвокультурного медиатора, посредника между текстом и читателем на занятиях по русскому языку как иностранному сегодня.

Ключевые слова: лингвокультурология, языковая личность, прикладная лингвокультурология, языковая личность медиатора.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

LINGUISTIC AND CULTURAL MEDIATION IN TEACHING RUSSIAN
AS A FOREIGN LANGUAGE (BASED ON THE TEXT OF V. PELEVIN'S SHORT STORY
"THE HOTEL OF GOOD INCARNATIONS")

Anna A. Nemyka¹, Anastasia A. Korotkova², Nadezhda V. Kovrygina³

Kuban State University^{1,2},

Presidential Lyceum "Sirius"³

Abstract: This article examines linguacultural mediation in teaching Russian as a foreign language using Viktor Pelevin's short story "The Hotel of Good Incarnations." It analyzes the axiological dominants and significant linguacultural test features that help the story's protagonist form her understanding of the human world. Particular attention is paid to how the literary text helps foreign students move from a literal understanding of words to an understanding of the cultural subtext. The images of Genesis, the angel, the "envy map," Russia, and the "beautiful lady" are explored. It is shown that the fragment reveals the connections between language, culture, social evaluation, and the author's irony, and can therefore be used as material for analytical reading in a foreign language classroom. The role of the teacher as a linguacultural mediator, an intermediary between the text and the reader, is highlighted in today's Russian as a foreign language classroom.

Key words: linguacultural studies, linguistic personality, applied linguacultural studies, linguistic personality of a mediator.

Funding: Independent work.

Введение

В современной практике преподавания русского языка как иностранного особое значение приобретает работа с художественным текстом. Такой текст помогает учащемуся изучать не только лексику и грамматику. Он открывает культурные смыслы. Через него можно говорить о ценностях, социальных представлениях, литературных отсылках и особенностях русской языковой картины мира.

При этом художественный текст нельзя давать иностранной аудитории без подготовки. Учащийся может понять прямое значение слов, но не увидеть скрытый смысл. Он может перевести отдельные фразы, но не понять иронию, сюжет, но не заметить культурную игру. Именно поэтому в работе с художественным текстом важна лингвокультурная медиация.

Лингвокультурная медиация понимается в статье как многоуровневое посредничество между текстом и иностранным читателем. Ее задача состоит

не в упрощении произведения. Нужно помочь учащемуся воспринять текст постепенно: сначала понять констатирующие параметры, потом ключевые слова, затем культурные отсылки. После этого он может перейти к анализу и собственному высказыванию.

Такой подход особенно важен при работе с современной русской прозой. В ней часто соединяются разные уровни речи. Рядом могут стоять философское понятие, разговорная частица, религиозный образ и социальная сатира. Для носителя языка такие переходы вполне органичны, для иностранного учащегося они требуют объяснения. Поэтому преподаватель выступает как медиатор. Он помогает не только перевести слово, но и понять его культурный вес.

В данной статье анализируется не весь рассказ, а только начальный фрагмент. В. И. Тюпа пишет, что анализ фрагмента не должен пониматься как простое выборочное рассмотрение текста. Фрагмент нужно изучать как часть художественного целого, в которой сохраняются важные свойства произведения [Тюпа 2009, с. 129].

Актуальность статьи связана еще и с тем, что иностранному учащемуся часто трудно понимать не прямое значение слов, а культурный подтекст. Например, слово «Россия» в тексте не просто обозначает страну. Оно имеет глубокий концептуальный смысл. Выражение «прекрасная дама» не просто обозначает красивую женщину. Оно отсылает к литературной традиции. Фраза «Быть или не быть?» не является обычным вопросом. Это культурная цитата. Поэтому репрезентация фрагмента в иноязычной аудитории должна включать не только чтение, но и системную лингвокультурную и медиативную работу.

Обсуждение

Представляется рациональным опираться на несколько положений. Первое связано с анализом художественного текста. В. И. Тюпа отмечает, что полноценный анализ не должен сводиться к перечислению отдельных элементов: важнее показать, как эти элементы работают в системе целого [Тюпа 2009, с. 14]. Поэтому необходимо детально анализировать образы фрагмента, каждый образ рассматривать через его функцию (что он дает для понимания героя, мира и решения лингводидактической задачи). Второе положение связано с ролью читателя. В современной литературной теории подчеркивается, что текст не является закрытым объектом с единственным готовым смыслом. В антологии И. В. Кабановой приводится мысль В. Изера о том, что при чтении текст становится частью опыта читателя, а читатель открывается чужой действительности [Кабанова 2004, с. 211]. В практике преподавания русского языка как иностранного это особенно важно. Иностранному учащемуся читает текст не так, как носитель языка. Ему нужно объяснять культурные знаки, устойчивые выражения и скрытые оценки. Третье положение связано с постмодернистской природой

прозы Пелевина. И. П. Ильин характеризует постмодернизм как особое умонастроение, возникшее из постструктуралистских и деконструктивистских эстетических практик [Ильин 1996, с. 3]. Для анализа текстов прозы Пелевина — это особенно важно: у него высокая культурная цитата может быть снижена или существенно трансформирована; религиозный образ может попасть в социально-сатирический контекст; философский вопрос может звучать рядом с разговорной частицей.

Исследователи также отмечают, что в сборнике Пелевина мифологические элементы выполняют сюжетобразующую функцию, но часто получают амбивалентный характер. Высокие сущности и эсхатологические представления снижаются до уровня игры, массовой культуры и технологий самооправдания [Осьмухина 2026, с. 552]. Это положение помогает понять выбранный фрагмент. *Ангел*, *Бытие* и *воплощение* здесь есть, но они сразу попадают в мир зависти, богатства и социальной привлекательности.

Важно отдельно уточнить само понимание лингвокультурной медиации. В работе с иностранной аудиторией она не сводится к переводу непонятных слов. Перевод дает только первое значение. Но художественный текст устроен сложнее. В нем слово часто связано с культурной памятью, литературной традицией, социальными оценками и авторской иронией. Лингвокультурная медиация в этом случае понимается как «система трансляции лингвокультурных смыслов в различных типах дискурса с учетом эргономики и растущей цифровой плотности современного образовательного пространства. Данный процесс направлен на формирование национально-идентичной лингвокультурной матрицы и позволяет осуществлять быстрый трансфер необходимых элементов культурного кода» [Немыка 2026]. Преподаватель помогает учащемуся пройти путь от буквального смысла к культурному. Именно поэтому медиатор должен видеть не только языковую трудность, но и скрытый культурный код. Работа с текстом в иноязычной аудитории требует учета сложности текста, отбора материала и функциональной специфики его представления. Это положение является ключевым. В анализируемом фрагменте текста рассказа В. Пелевина значимых точек медиации несколько. Это фраза «Быть или не быть?». Это слово «Бытие». Это образ ангела. Это имя Маша. Это «карта зависти». Это слово «Россия». Это выражение «прекрасная дама». Каждая из этих единиц понятна номинативно, но не раскрывается полностью без культурного объяснения. Например, учащийся может понять, что Россия — это страна. Но он не поймет, почему слово в тексте названо «увесистым». Он может понять, что Маша это имя. Но без комментария он не увидит разницу между формами Мария, Маша, Машенька. Он может определить, что зависть — это чувство. Но ему нужно объяснить, почему у Пелевина зависть становится картой мира. Поэтому медиация рассматривается как особый способ учебного чтения. Ее задача

состоит в том, чтобы сделать текст доступным, но не упростить его до пересказа. Это важный момент. Если преподаватель только пересказывает содержание, художественный смысл теряется. Если же медиатор дает слишком сложную теорию, учащийся теряет контакт с текстом. Лингвокультурная медиация должна находиться между этими двумя гранями. Она объясняет, но оставляет место для самостоятельного понимания. Такой подход особенно важен при работе с прозой Пелевина. Его текст всегда противоречив и когнитивно сложен и синкретичен: в одном фрагменте могут сосуществовать философская терминология, религиозный образ, разговорная лексика и социальная сатира. Носителю языка эти переходы позволяют воспринимать развитая читательская интуиция. Инофону требуется пошаговое объяснение. Поэтому фрагмент «Отеля хороших воплощений» удобен как материал для формирования не только языковой, но и лингвокультурной компетенции.

Результаты

В анализируемом фрагменте читатель видит героиню в состоянии до рождения. Она слышит вопрос «Быть или не быть?» и соглашается на бытие. После этого появляется ангел новой жизни. Он сообщает Маше ее имя, объясняет способность понимать слова и показывает будущую человеческую судьбу. Центральным образом становится «карта зависти», где самые яркие огоньки обозначают самые желанные с человеческой точки зрения маршруты судьбы. Будущая жизнь Маши связывается с Россией, богатством, красотой и образом «прекрасной дамы».

Эта фактография нужна только как основа. Главная ценность фрагмента состоит не в развитии действия. Важнее то, как Пелевин через короткий диалог строит модель человеческого мира. Этот мир открывается Маше через язык. Сначала она получает способность понимать слова. Потом она узнает свое имя. Потом ей показывают социальную систему ценностей. Поэтому фрагмент можно читать как сцену вхождения сознания в язык, культуру и общество.

Фрагмент начинается с вопроса «Быть или не быть?». Это не просто начало диалога. Эта культурная реминисценция отсылает к трагедии У. Шекспира «Гамлет». В русском лингвокультурном пространстве эта фраза давно стала знаком предельного выбора. Обычно она связана с вопросом жизни, смерти, смысла, сомнения. У Виктора Пелевина она перенесена в ситуацию еще не начавшейся жизни. Перед Машей стоит вопрос о самом факте рождения.

Важно, что ответ Маши звучит не торжественно. Она говорит: «Ну, быть...». Частица «ну» сразу снижает высокий стиль. Вопрос звучит как философская формула, а ответ звучит почти обыденно. Такое столкновение регистров создает легкий иронический эффект. Пелевин не отменяет серьезность вопроса. Он просто показывает, что даже самый высокий вопрос может быть помещен в странную, почти техническую ситуацию выбора рождения.

Уже первая реплика задает двойную тональность. С одной стороны, перед нами философская

тема бытия. С другой стороны, автор сразу вводит бытовую интонацию. Это характерно для постмодернистской манеры письма, где высокая культура не исчезает, но начинает работать в новом, часто ироническом контексте.

Далее звучит фраза: «Добро пожаловать в Бытие». Слово «Бытие» написано с большой буквы. Оно звучит как философское понятие: важно отличие от слов «жизнь» и «существование» («жизнь» звучало бы нейтральнее, «существование» - книжно). «Бытие» звучит предельно обобщенно. Оно связано с философским, религиозным языком. Но в тексте рядом с ним стоит уже сниженная реплика «Ну, быть...». Поэтому высокий смысл не закрепляется в чистом виде, он сразу включается в ироническую модусную рамку.

Образ ангела новой жизни тоже двойственен. В традиционной культуре ангел связан с религиозной вертикалью. Он может быть вестником, проводником, защитником. В данном фрагменте он, действительно, выполняет роль посредника: объясняет Маше, кто она, как она может думать, как она будет понимать слова. Но этот ангел не вводит ее в пространство спасения, а лишь объясняет специфику будущей социальной роли. Это важная авторская смысловая трансформация.

Таким образом, ангел здесь является не только религиозной фигурой, но и комментатором. Он показывает устройство мира, дает Маше первые культурные значения. Ангел в анализируемом текстовом фрагменте во многом выполняет функцию медиатора. Преподаватель на занятии по русскому языку как иностранному тоже выступает медиатором между учащимся и другой культурой. Он не просто переводит слова, а объясняет, почему они значимы в данном контексте и констатации.

Имя Маша является следующим важным знаком. Ангел говорит, что это имя героини в человеческом рождении. На первый взгляд, простая деталь, но для иностранного учащегося она требует комментария. Маша это разговорная форма имени Мария. В русской системе имен форма имени показывает многое: степень официальности, близость общения, эмоциональное отношение. «Мария» звучит официально. «Маша» звучит привычно, мягко, повседневно. Через имя героиня получает культурную определенность. Она перестает быть просто абстрактным сознанием до рождения. Она становится будущей девочкой с русским именем. Это важно для всей сцены: вхождение в человеческий мир начинается не с тела, а с имени и языка. Сначала Маша получает имя, потом способность понимать слова, после начинает задавать вопросы. Таким образом, человеческое существование в тексте начинается как языковое существование.

Метафорические образы в анализируемом фрагменте выполняют не только выразительную, но и объяснительную функцию: метафора в научном осмыслении текста может пониматься не просто как

украшение речи, а как «орудие мыслительного процесса» [А.А. Немыка 2025, с. 106–108]. Это положение помогает точнее рассмотреть пелевинские образы «мягких шариков», «смысловых облаков» и «карты зависти». Данные средства художественной выразительности не только делают текст образным, но и помогают читателю понять устройство изображенного мира. Через метафору «карты зависти» абстрактная социальная оценка становится наглядной. Зависть у Пелевина получает форму пространства, по которому можно ориентироваться. Маша воспринимает обращенные к ней слова как шарики, которые попадают в нее и взрываются «смысловыми облаками». Это один из самых продуктивных образов для анализа. Он показывает понимание речи как почти физический процесс. Слово входит в сознание, потом оно раскрывается смыслом. Маша не просто слышит звук: она переживает момент рождения значения.

Для репрезентации текста в иноязычной аудитории этот образ очень важен. Иностранец часто проходит похожий путь. Сначала русское слово воспринимается как набор звуков, после появляется значение. Потом слово начинает использоваться в собственной речи, формируются ассоциативные связи. Героиня тоже постепенно понимает, что может «кидать такие шарики». Значит, она переходит от восприятия к речевому действию. Это можно использовать на занятии как метафору речевой коммуникации.

Далее появляется вопрос: «Стать человеком это хорошо?» Здесь фрагмент переходит от языка к ценностям. Маша задает почти детский вопрос. Но ответ ангела оказывается социально острым: «Смотря каким». В этой реплике – весь смысл дальнейшего объяснения. Человеческая жизнь оценивается не сама по себе, а через условия. Важно, каким человеком ты станешь. Где ты родишься. В какой семье. С каким статусом. С какой внешностью. С каким доступом к желанному миру. Фраза «по земным меркам» закрепляет это смещение. Ангел не говорит, что жизнь Маши будет хорошей в нравственном или духовном смысле. Он сообщает, что она прекрасна «по земным меркам». Значит, перед нами человеческая система оценки. Она строится на богатстве, красоте, зависти и социальной привлекательности. Так Виктор Пелевин обращает внимание читателя на смещение и трансформацию традиционных ценностных установок. Человеческий мир объясняется не через добро и зло, а через престиж и желание. Сообщение о том, что Маша родится дочерью очень богатого человека, является важным социальным маркером. Здесь богатство выступает как главный признак удачного рождения. Не говорится, что она будет счастлива, свободна или будет духовно развита. Сначала называется богатство. Это демонстрирует систему ценностей, в которую Маша должна войти. В этом фрагменте Пелевин показывает рождение как попадание в уже готовую социальную иерархию. Человек еще не появился на свет, а его судьба уже оце-

нивается через зависть других. Внешне сцена выглядит фантастически. Но по смыслу она говорит о вполне реальной социальной логике. Современный человек часто оценивается не по внутреннему содержанию, а по внешним признакам успеха.

Центральным образом становится «карта зависти». Это не просто фантастическая деталь. Это модель общества. Карта обычно помогает ориентироваться в пространстве. У Пелевина она помогает ориентироваться в человеческих желаниях. Люди завидуют разным судьбам: чем сильнее зависть, тем ярче огонек. Получается, что зависть превращается в измерительный прибор. Слово «зависть» само по себе важно для анализа. В русском языке оно обычно имеет отрицательную оценку. Завидовать значит желать того, что есть у другого. Но у Пелевина зависть становится основой карты мира. Это очень точный сатирический прием. Мир представлен не как пространство духовного выбора, а как пространство чужого желания. Ценность судьбы зависит от того, насколько сильно другим хочется оказаться на твоём месте.

Выражение «маршруты судьбы» тоже важно. В русском языке судьба часто мыслится как путь. Можно сказать, «жизненный путь», «поворот судьбы», «дорога жизни». У Пелевина этот привычный образ соединяется с логикой навигации. Судьба выглядит как маршрут, который можно выбрать или к которому можно быть направленным, однако это не путь нравственного становления, это маршрут социального соблазна. Современные исследователи творчества Виктора Пелевина отмечают, что в «Ананасной воде для прекрасной дамы» традиционные мифологические и религиозные представления мыслятся широко, но часто служат демонстрации тщетности человеческого самооправдания [Осьмухина 2026, с. 552]. В данном рассказе религиозный и философский план также существенно снижен: Ангел, Бытие и воплощение ведут не к спасению, а к карте зависти.

Важен и мотив ограниченного выбора. В начале Маша как будто выбирает свое бытие. Но потом ангел говорит: «Но тебе вон туда». Эта короткая фраза показывает, что выбор не абсолютен. Она согласилась на бытие, но маршрут уже указывается извне. В этом есть скрытая критика идеи свободной судьбы: человеческая жизнь сразу оказывается включена в систему заданных условий.

Слово «Россия» в конце фрагмента несет особую лингвокультурную нагрузку. Маша спрашивает, где будет жить. Ангел отвечает: «В России». После этого сказано, что слово «Россия» имело смысл, и он был «весьма увесист». Это одна из ключевых, концептуально значимых фраз текста, доминанта культурного кода. Она несет исторические, социальные и эмоциональные ассоциации.

Для анализа важно слово «увесистый». В прямом значении оно связано с весом. В переносном значении оно обозначает значительность, тяжесть, смысловую насыщенность. Значит, слово «Россия» не нейтрально. Оно сразу входит в сознание Маши

как плотный смысловой блок. Для иностранного учащегося это место очень важно. Оно показывает, что название страны может быть не только географией, но и культурным образом.

В финале анализируемого фрагмента ангел говорит, что Маша будет «красивейшей жительницей этой страны». Красота здесь соединяется с богатством и завистью. Будущая судьба Маши описывается через внешние признаки успеха. Она будет красивой дочерью богатого человека. Она будет объектом восхищения. Она будет жить в России. Эти признаки складываются в образ желанной социальной позиции.

Фраза «прекрасная дама» завершает анализируемый фрагмент. В русской культуре это выражение связано с образом идеальной женщины, с символистской традицией, прежде всего с образом Прекрасной Дамы у А. Блока. У Пелевина этот высокий образ помещен в иронический контекст. Прекрасная дама оказывается связана не с духовным идеалом, а с богатством, красотой, завистью и социальным притяжением.

О. Ю. Осьмухина отмечает, что заглавие сборника «Ананасная вода для прекрасной дамы» отсылает к В. Маяковскому, а именно, к его скандально известному стихотворению, а в повести «Отель хороших воплощений» важна идея аксиологической фиктивности современного материального мира [Осьмухина 2026, с. 556]. Уже в начале текста видно, что образ прекрасной дамы не остается сугубо поэтическим: он входит в мир социальной оценки, высокая формула становится частью механизма соблазна.

Анализируемый фрагмент можно рассматривать как внутреннюю модель медиации. В тексте есть персонаж, который ничего не знает о человеческом мире. Это Маша. Есть фигура, которая объясняет ей язык, имя, будущую судьбу и систему человеческих оценок. Это ангел. Есть набор культурных и социальных знаков, которые нужно понять. Это Бытие, Россия, богатство, зависть, Прекрасная дама. Поэтому сам фрагмент построен как ситуация объяснения. Ангел выступает своеобразным медиатором внутри художественного мира. Он не просто сообщает Маше информацию, а переводит неизвестное в понятное. Он дает ей имя, объясняет, что она может думать и чувствовать, как люди. Он показывает ей карту зависти, вводит ее в человеческую систему ценностей. От него Маша получает первый опыт человеческого понимания. Эта структура близка лингвокультурно и лингводидактически к учебной ситуации представления текста. Иностранному учащемуся тоже находится перед новым языковым и культурным пространством. Задача преподавателя – помочь перейти от слова к смыслу. Но есть важное отличие: ангел в рассказе направляет Машу к готовой судьбе, преподаватель не должен навязывать готовое толкование. Он должен дать опору для самостоятельного чтения. Именно поэтому фрагмент удобен для обсуждения роли медиатора. На первом уровне ангел

кажется помощником. Он объясняет, отвечает на вопросы, делает неизвестный мир более понятным. Но на втором уровне становится видно, что его объяснение не нейтрально. Он сразу вводит Машу в систему «земных мерок», показывая ей не карту добра, не карту духовного выбора, а карту зависти. Значит, медиация в работе с подобным фрагментом строится по проблемному принципу. Она формирует взгляд на мир. Для учебной работы это очень важно. Учащимся можно показать, что любой комментарий формируется с учетом определенных лингвокультурологических параметров. Если преподаватель объясняет только сюжет, учащийся увидит фантастическую сцену. Если объяснить культурные цитаты, он увидит литературную игру и т.д. Значит, от медиации зависит глубина восприятия смыслов текста при чтении. Фрагмент также показывает, что понимание начинается с языка. Маша сначала получает способность понимать слова. Слова изображаются как «мягкие шарики» и «смысловые облака». Это не случайная образность. Пелевин показывает, что смысл не лежит на поверхности. Он раскрывается внутри воспринимающего сознания. В этом плане текст хорошо соотносится с мыслью И. В. Кабановой о роли читателя. При чтении текст включается в опыт воспринимающего человека [Кабанова 2004, с. 210]. Иностранному учащемуся проходит похожий путь. Он принимает слово, соотносит его со своим опытом и постепенно выстраивает модель общего понимания. Фрагмент важен не только включенностью в него культурных реалий, но и демонстрацией механизмов их вхождения в язык и культуру. Иностранному учащемуся учится понимать русскую культуру через текст. В обоих случаях смысл возникает не сразу. Он требует посредника, комментария и активной работы читателя.

Лингвокультурный комментарий к данному фрагменту должен быть направлен на раскрытие смысла тех единиц, которые несут не только языковое, но и культурное значение. Фраза «Быть или не быть?» требует пояснения как известная литературная цитата. Слово «Бытие» связано с философским и религиозным смыслом. «Карта зависти» помогает объяснить социальную оценку успеха через чужое желание. Слово «Россия» в тексте выступает как культурная доминанта. Выражение «прекрасная дама» отсылает к литературной традиции и одновременно получает у Пелевина ироническое звучание. Такой комментарий помогает иностранному учащемуся перейти от понимания отдельных слов к пониманию скрытого смысла фрагмента.

Вывод

Таким образом, анализ текста прозы Виктора Пелевина показывает, что текст базируется на нескольких смысловых уровнях. Первый связан с рождением сознания: героиня получает имя, речь и способность понимать слова. Второй связан с языком: слово показано как носитель смысла, через который героиня входит в новый мир. Третий уровень связан

с культурой. В тексте появляются отсылка к Шекспиру, Бытие, ангел, русское имя Маша, Россия и образ «прекрасной дамы». Четвертый уровень - социальная сатира. Через «карту зависти» человеческий мир раскрывается как пространство богатства, статуса, внешней привлекательности и чужого желания.

Для обучения иностранных учащихся данный фрагмент является продуктивным материалом. Он построен как диалог, поэтому подходит для чтения по ролям и работы с интонацией. В тексте есть важная лексика: «Бытие», «воплощение», «зависть», «судьба», «смысл», «мерки», «рождение». Эти слова требуют не только перевода, но и лингвокультурного комментария.

С языковой стороны можно выделить несколько групп слов. Первая группа связана с восприятием и мышлением: «казалось», «понять», «вспомнить», «думать», «чувствовать», «рассмотреть». Вторая группа связана с оценкой: «прекрасно», «желанные», «соблазнительные», «яркий», «тусклый», «увесистый». Третья группа включает абстрактную лек-

сику: «Бытие», «судьба», «зависть», «смысл», «воплощение». Грамматические особенности также говорят об эффективности использования данного фрагмента на продвинутом этапе обучения.

Важен и медиативный потенциал фрагмента. Ангел объясняет Маше новый для нее мир. В учебной ситуации похожую роль выполняет преподаватель. Он помогает иностранному учащемуся перейти от прямого значения слов к культурному подтексту. Поэтому фрагмент подходит не только для чтения, но и для формирования лингвокультурной и общекультурной компетенции, навыков читательской культуры в целом. Для развития навыков говорения рационально предложить дискуссию о хорошей судьбе, зависти, богатстве, красоте и статусе. Такие вопросы помогают выйти за пределы стандартного понимания текста, но сохраняют связь с его ключевыми образами. Данный прозаический текст может быть использован как материал для комплексной работы: анализа художественного текста, составления лингвострановедческого комментария, медиативной практики.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Список источников:

1. Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. Москва: Интрада, 1996. ISBN: 5-87604-035-5 EDN: FSINRS
2. Кабанова И. В., сост. Современная литературная теория. Антология. Москва: Флинта: Наука, 2004.
3. Немыка А. А. Метаязык лингвистики: эволюция и функции: монография / А. А. Немыка. - Краснодар, 2025. EDN: IWTBTR
4. Немыка А.А. Лингвокультурная медиация в современном образовательном пространстве// Психолого-педагогическое сопровождение общего, специального и инклюзивного образования детей и взрослых. - Тула, 2026. Эл. ресурс. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=89345269&pff=1>.
5. Осьмухина О. Ю. Мифопоэтический контекст книги В. О. Пелевина "Ананасная вода для прекрасной дамы" // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2026. Т. 19. Вып. 2. DOI: 10.30853/phil20260071 EDN: XAMRGJ
6. Пелевин В. О. Ананасная вода для прекрасной дамы. Москва: Эксмо, 2010.
7. Тюпа В. И. Анализ художественного текста. Москва: Академия, 2009. ISBN: 978-5-7695-5848-1 EDN: QTXIYT

References:

1. Ilyin I. P. Poststructuralism. Deconstructivism. Postmodernism. Moscow: Intrada, 1996. ISBN: 5-87604-035-5 EDN: FSINRS
2. Kabanova I. V., comp. Modern literary theory. An anthology. Moscow: Flint: Nauka, 2004.
3. Nemyka A. A. Metalanguage of linguistics: evolution and functions: monograph / A. A. Nemyka. Krasnodar, 2025. EDN: IWTBTR
4. Nemyka A.A. Linguistic and cultural mediation in the modern educational space// Psychological and pedagogical support for general, special and inclusive education of children and adults. - Tula, 2026. Electronic resource. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=89345269&pff=1>.
5. Osmukhina O. Y. The mythopoetic context of V. O. Pelevin's book "Pineapple water for a beautiful lady" // Philological Sciences. Questions of theory and practice. 2026. Vol. 19. Issue 2. DOI: 10.30853/phil20260071 EDN: XAMRGJ
6. Pelevin V. O. Pineapple water for a beautiful lady. Moscow: Eksmo, 2010.
7. Tyupa V. I. Analysis of a literary text. Moscow: Akademiya, 2009. ISBN: 978-5-7695-5848-1 EDN: QTXIYT

Информация об авторах:

Немыка Анна Анатольевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка как иностранного ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», email: annemyka@yandex.ru

Короткова Анастасия Алексеевна, студент филологического факультета, 3 курса, направления русский язык как иностранный ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», email: korotkova.anast@mail.ru

Коврыгина Надежда Владимировна, учитель АНОО «Президентский лицей «Сириус»», федеральная территория «Сириус», kovrygina_nadezhda@mail.ru

Anna A. Nemyka, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian as a Foreign Language, Kuban State University

Anastasia A. Korotkova, 3rd year student of the Faculty of Philology, Russian as a Foreign Language, Kuban State University

Nadezhda V. Kovrygina, teacher of the Sirius Presidential Lyceum, Sirius Federal Territory

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 02.05.2026;

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 15.06.2026;

Принята к публикации / Accepted for publication 20.06.2026.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.